

МАРИЯ ГРОВА

МОРОЗ – КНЯЖЕ
ПОДАРЕННАЯ КНЯЗЮ ХОЛОДА

Мария Ерова

Мороз-княже.

Подаренная князю холода

<https://litres.ru/74205847>

Аннотация

Жизнь Дарины, обычной девушки из неблагополучной семьи, резко меняется, когда душа её попадает в тело Дарьи – девицы, отданной против воли по страшной традиции в дар князю холода. Дарина обретает новое тело, но вместе с тем ненависть односельчан, обвинивших её в неисполнении традиций и нарушении привычного порядка вещей, ведь в ту ночь она должна была умереть....

По мотивам сказки "Морозко"

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	53
Глава 11	58
Глава 12	63
Глава 13	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Пролог

Большой костёр разгорался среди вековых сосен, бросая тени на сосредоточенные, покрытые морщинами, лица старейшин, что стояли вокруг него. Все остальные жители Людовки находились чуть поодаль, с замиранием сердца ожидая, какова на этот раз будет воля богов. И кого они выберут для её исполнения. Холод стоял жуткий, но никто не тронулся с места, ведь сейчас, в этот самый миг, решалось, кому завтра будет суждено умереть.

Дело касалось только молодых незамужних девушек, ведь именно их приносили в деревне в жертву тому, кто, как считалось, приняв её, спасёт остальных людей от лютой смерти. Но каждая из этих потенциальных жертв была чьей-то дочерью, сестрой, и каждый боялся потерять то самое дорогое, что было у него в жизни. Своего родного человека...

Этот жуткий обряд проводился каждую зиму, и каждый раз после этого собрания вече кто-то умирал. Поэтому зиму не любили, её ждали с ужасом и содроганием, но деваться людям было некуда. И в январе, сразу после наступления нового года, вся деревня собиралась здесь, на окраине леса, чтобы вознести хвалу богу зимнего холода и узнать его волю на этот раз.

В этот раз старейшины не слишком торопились, но оно было понятно. Нельзя подгонять богов, нельзя торопить.

Их дела – небесные, не то, что земные - людские...

Однако у большинства нервы были на пределе. Матери прижимали к себе своих дочерей, зажимая себе рот рукой, чтобы не разреветься раньше времени. Парни были хмуры. Отцы – напряжённые. Что касается самих девиц, то многие из них уже были ни живы, ни мертвы, от страха ли или от холода, не так уж и важно. Они просто хотели поскорее услышать приговор и разойтись по домам, вздохнув с облегчением. И лишь одной семье в эту ночь спать было не суждено.

И вот, когда время пришло, выхватил главный из старейшин из самого сердца костра огромную горящую палку и, вознеся её к небу, произнёс:

- Да свершится воля богов! Дочери мои, подойдите ко мне...

Девушки, зарыдав, оставили своих родных и двинулись к жрецу под вой матерей и скрежетание зубов отцов. Обступив его кругом, они со страхом и благоговением замерли, ожидая страшного приговора. И тогда старейшина, поднеся пылающую палку к первой из них, принялся терпеливо ждать. Но огонь разгорелся лишь ярче, и старик тогда подошёл к другой.

Та, первая девушка, разрыдалась пуще прежнего, но теперь на её лице засияла улыбка – не её выбрал Мороз-княже, а, значит, будет она жить дальше! Родственники её облегчённо выдохнули, словно не веря своему счастью, загоготали

ли, обрадовавшись!

Но тут же умолкли, потому как старейшина шикнул на них, поднося огонь ко второй девушке. История повторилась, и вот уже две счастливых семьи готовы были пустились в пляс, да только ничего ещё не закончилось.

Так старик переходил от одной девы к другой, пока не остановился возле Дарьи – первой красавицы на деревне, которой едва восемнадцать стукнуло, скромной девушке, что росла без матери, но с отцом и мачехой. Та не дрожала подобно остальным. Напротив, она смело глядела в глаза старейшины, а на её губах играла кроткая полуулыбка. Тот, замешкав, словно совсем позабыл, чем здесь занимался. И тогда Дарья, кивнув старицу, тихо прошептала:

- Смелее, дед Никодим! Ну же...

И тот поднёс ярко горящую палку к груди девушки. Огонь замер на подходе, а после, едва не коснувшись её груди, вспыхнул и погас, ознаменовав тем самым завершение обряда.

Кто-то ахнул в толпе, бабы заохали, и по воздуху пополз запах горького дыма.

- Нет... - прошептала Дарья, взглянув прямо в глаза старейшине. Но тот был растерян не меньше её и, кажется, расстроен...

Однако ему пришлось взять себя в руки и, схватив девушку за запястье, он торжественно провозгласил:

- Боги сделали свой выбор! Дарья, дочь Казимира, на этот раз тебе выпала честь спасти нашу деревню от лютого хо-

лода и стать той, кому уготовано стать верной женой самому князю Морозу! Несите, люди, свои дары! Собирайте невестушку в дальний и последний путь!

Это было последнее, что Дарья услышала перед тем, как провалиться в непроглядную пустоту, оказавшись в объятиях своего отца, что был в тот миг вне себя от горя. И лишь кривая усмешка мачехи рассказала ей о том, что без неё тут дело не обошлось. И если кого ей и предстоит «благодарить», так это её, змеюку, что обманом пробралась на место её матери, едва та отошла в мир иной.

Глава 1

Лёгкая дымка стелилась над стадионом полупрозрачным туманом. Отсюда, с самых верхних рядов, было отлично видно, как кажущиеся маленькими фигуры людей, рассекали на коньках обильный, залитый ещё в начале устоявшихся морозов, каток. Им было весело – и влюблённым парочкам, что, держась за руки, едва удерживали равновесие. Причём некоторые явно изображали из себя новичков, чтобы в очередной раз прижаться к своему партнёру, а, возможно, и поцеловать его или её, и со стороны это выглядело очень романтично.

Молодые родители подбадривали детей, что боялись впервые ступить на лёд, вцепившись в них мёртвой хваткой. Другие, напротив, пытались догнать своих неутомимых чад, что, научившись, гоняли туда и обратно со скоростью света, рискуя себя покалечить.

Всё это было жизнью, простой и весёлой. И я с удовольствием наблюдала за ней каждый вечер, приходя сюда, покупая стаканчик горячего кофе без сахара из автомата и забираясь подальше от людских глаз. Фонари подсвечивали мне «ледовые шоу», повторяющиеся каждый день. Менялись лишь фигуры и лица, а жизнь шла своим чередом, почему-то обходя меня стороной. Да ладно бы, если она совсем меня не замечала, нет. Жизнь словно лишала меня всевозможных радостей, зато неудачи и испытания посылала с

лихвой. И мне не хотелось возвращаться домой, а потому я мёрзла здесь каждый божий день, чтобы хотя бы порадоваться за людей, у которых всё в жизни шло благополучно. И немного отвлечься от собственного жалкого существования и судьбы, что была мне уготовлена.

Но время шло, и домой всё равно пришлось возвращаться. Я и не заметила, как заоченела на ветру, и даже горячий кофе не помог, раз я с трудом смогла расцепить свои пальцы. Взглянув на электронный градусник, что располагался над одним из входов на стадион, я с удивлением увидела тревожную цифру «-29°», и, поёжившись, поспешила туда, где было хотя бы тепло. То есть, домой.

Когда я говорила про тепло, то имела ввиду именно тот жар, что выделяли батареи, а вовсе не душевное времяпрепровождение всех членов моей семьи. Да и семьёй-то нас сложно было назвать: я, студентка третьего курса экономического колледжа, отчим дядя Миша, которого я не видела трезвым и свежим никогда в жизни и моя собственная мать, что, устав сопротивляться пьянству второго супруга, тоже пошла по его стопам, и теперь они квасили на пару без обеда и выходных. Надо ли говорить, что ни тот, ни другая, давно не работали, живя на какие-то сомнительные пособия и побираясь по таким же друзьям и знакомым. Порой мне это казалось невыносимым, и всё же я не знала, куда мне ещё пойти.

Запах перегара я почувствовала ещё задолго, как подой-

ти к двери в нашу квартиру. Он сочился именно оттуда, а несмолкающий, ревуший во всю мощь колонок, старый музыкальный центр, только подтверждал то, что в моём доме сейчас в самом разгаре очередная гулянка.

Дверь была не заперта – мои «предки» ждали всех и каждого, кто мог бы принести им очередную бутылку крепкого, а брать у нас всё равно было нечего, поэтому воров они не боялись. Всё, что можно было продать и пропить, родители уже спустили. Осталось только самое необходимое: минимальный набор посуды и одежда. Я ещё удивлялась, как у нас «коммуналку» не отключили, с такими-то задолженностями, но подозревала, что это было дело времени.

Войдя в прихожую, я ещё не успела снять с себя верхнюю одежду, как из туалета, покачиваясь, нетвёрдой походкой вырулил дядя Миша. Когда его взор сфокусировался на мне, он даже обрадовался. Но вовсе не моему возвращению.

- Дашка! Ну, наконец-то! – воскликнул он, держась за угол с грязными, залапанными обоями. – Будь другом, сбегай за...

И он подмигнул мне, всем своим видом намекая, что я, по его мнению, должна была принести.

- Ну уж нет! – запротестовала я, зная, что он вряд ли отстанет. – Там такой морозище, что хороший хозяин и собаку на улицу не выгонит...

- Так ты и не собака! – заплетающимся языком сообщил он. – Дочь... Почти.

- Ага, как же! – я напряглась внутренне, желая как можно скорее прошмыгнуть в свою комнату, чтобы закрыться в ней до утра. – И на что я должна вам эту гадость покупать? Деньги-то откуда? Вы с матерью ещё на прошлой неделе всё спустили...

- Так ты же стипендию получила, ёк-макарёк! – выругался дядя Миша. – неужто для родной матери пары сотен жалко?! Родили тебя, растили... Эх...

- Ночей не спали, - передразнивая его, продолжила я. В этот момент, откуда-то из глубины квартиры послышался заунывный голос матери – она пыталась вытянуть какой-то хит из девяностых, но это у неё с трудом получалось.

- Слышишь? – попытался надавить на жалость дядя Миша. – Знаешь ведь, как утром ей плохо будет. Сбегай побыстренькому...

Но ни желания куда-то идти, ни тратить понапрасну последние деньги, на которые я питалась, покупала учебные принадлежности, у меня не было. Я уже сняла шапку и повесила на вешалку куртку. Обувь снималась плохо – молния на сапогах то и дело заедала, а потому я решила разуться уже в своей комнате, чтобы поскорее избавиться от навязчивого общества отчима.

Я как раз хотела пройти мимо него, как вдруг почувствовала удар о стену. Комната закружилась перед глазами, а затылок пронзила боль. Дядя Миша, ухватившись рукой за волосы, резко развернул меня к себе, слишком проворно для

столе пьяного человека.

- Слышишь, дрянь? – прошептал он мне в лицо, выдохнув тошнотворным перегаром. – Или сейчас ты пойдёшь и принесёшь мне то, что я говорю. Либо я позову своих друзей, и мы устроим тут праздник, забавляясь с тобой один за другим... Или все вместе, как уж получится. И никто, никто тебя не спасёт, маленькая паскуда! А, может быть, ты этого и добиваешься, а? Хочешь, чтобы я тебя приласкал?

И он полез ко мне с поцелуем, ещё крепче сжав мои волосы. Свободная же рука его отправилась шарить по моему телу, бессовестно щупая, хватаясь за грудь и приближаясь к самому сокровенному...

- Нет! – не знаю, как мне хватило сил, чтобы вырваться из железной хватки пьяного негодяя, да только он, пошатнувшись, не удержался на ногах и рухнул на пол.

Из комнаты вновь раздалось пьяное пение моей матери. Нет, это было просто невыносимо! Я схватила шапку и куртку, и пока отчим корчился на полу, пытаюсь подняться, я вновь выбежала в ночь, уже зная, что больше сюда не вернусь. Дом, превратившийся в какой-то филиал ада, больше не был мне родным, и я, застёгивая на ходу куртку и обливаясь слезами, отправилась куда глаза глядят, не зная, что мне делать дальше.

Глава 2

Дарья сидела, словно уже померла, глядя в одну точку на стене. Вокруг неё кружилась настоящая суета, её угова- ривали, заплетали косы, наряжали, как невесту, которой она сейчас, по сути, и являлась, пели заунывные песни, но ко всему тому девица была безучастна. Люди без устали несли дары к дверям её дома, готовые отдать последнее лишь за то, что жребий пал не на их дом – такова была традиция и обычай. То есть приданное собирали Дарье всей деревней, чтобы собрать невесту по законам людским, и отправить в руки богов.

Дарья не плакала, глаза её давно выплакали все слёзы, и теперь лишь тупая боль лежала на голове неприподъём- ным грузом. Хуже было лишь отцу – всё это время он сидел напротив своей дочери, которой была уготована страшная судьба. Казимир ни произнёс ни слова с тех пор, как они вер- нулись с собрания, ведь Дарья была его единственной доче- рью, и именно ею он должен был пожертвовать на всеобщее благо.

Пуще всех суетилась Люта – вторая жена отца. Она словно даже была рада тому, что жребий выпал на Дарью – не возлюбила она девицу с первого взгляда, вот как увидела – так сразу и не возлюбила! В чём причина была того, де- вушке было неизвестно. Знала она лишь, что с тех пор, как

Люта в их доме поселиться, житья спокойного ей не будет. Тем более что у той своя дочка имелась...

Желана была тихой, бледненькой девицей семнадцати лет отроду, тощей да неказистой. И на фоне Дарьи – фигуристой румяной сводной сестры, вовсе терялась, превращаясь в бесплотного духа. Слова от неё было не услышать – так тиха и болезненна была Желана, и не то, что Дарья с ней не ладила, нет. Бывало, они и словом не обмолвятся за весь день, хотя с утра до ночи вместе, под одной крышей. Но не было меж ними тяги к общению, как и к осознанию того, что они теперь сёстры. Так и жили чужими людьми, но никого это особо не волновало.

А теперь...

Сестрицы и вовсе не было видно за чужими юбками в этом доме, да и Дарье было не до неё. Она знала и про обряд, и про обычай, да только всё никак поверить не могла, что с живым человеком вот так поступить можно, отправить на верную смерть. А существовали ли эти боги или всё это было лишь плодом человеческого разума? Знать никто не знал...

Дарья с трудом вздохнула, почувствовала, как ком встаёт в горле. Она ведь, по сути, и жить-то ещё не начала, а тут её уже к смерти готовили. До чего несправедливо! Да почему же она должна была всё это сносить?! К тому же, сердце своё она уже Ратимиру обещала. Венчаться осенью собирались. А теперь...
 Взглянув на пониكيةго

отца слишком резко, Дарья словно и ему передала свои сомнения. Он было поднялся, но тут Люта, подлетев к нему, уgomонила супруга, усадив его обратно и зыркнув на его дочь так, что у той поджилки затряслись.

- Куда собрались?! Беду хотите на нас накликасть?! – чёрные глаза Люты расширились так, словно вот-вот должны были выпрыгнуть из глазниц. – Ничего не поделать! Жребий... Боги решили, что это будет твоя дочь, Казимир! Смирись!

- А если бы боги Желану выбрали?.. - хриплым голосом ответил ей мужчина. – Ты бы смирилась?

Та, не ответив, развернулась резко, и была такова.

Однако слова её всё же произвели должный эффект, и ни дочь, ни отец не сдвинулись с места.

Когда всё было готово, Дарью вывели во двор, где уже была запряжена тройка лошадей. Сама девушка идти не могла, едва переставляя ноги, а потому многочисленные помощники охотно помогали ей, дабы проводить Дарью в последний путь. Усадили в сани, укрыв одеялами. Приданное – дары, собранные всей деревней, погрузили рядом, и те едва уместались, настолько щедрыми были эти подарки, приготовленные для Мороза-княже. Но, конечно, самым главным подарком была сама Дарья. И от осознания этого девице стало так холодно, что не спасали все те одеяла да покрывала, которыми заботливые «свахи» её укутали.

Казимир, накинув овчинный тулуп и даже от горя поза-

быв взять шапку да рукавицы, забрался на козлы.

- Папа... - произнесла тихо Дарья, чувствуя, как слёзы вновь начинают пробираться сквозь её ресницы, но тот остановил её, покачав головой.

- До конца, дочка. Я буду с тобой до конца...

Та, всхлипнув, разревелась. Но тут вперёд вышел старейшина – тот самый, что проводил обряд, и подсел к нему.

- Я и сам могу справиться, дед Никодим! – заверил его Казимир, неприятно удивившись. Но тот и слушать не желал.

- Думаешь, ты первый, кто дочь от лютой смерти хотел избавить? Да только мой долг проследить, чтобы всё прошло, как должно, а ни как нам хочется. Поехали, Казимир! Уладим дело поскорее. Нельзя заставлять богов ждать...

Лишь тяжело вздохнул несчастный отец да лошадей в тёмный лес направил. Ехали они молча, никто ни разу слова не произнёс. А когда на место прибыли, сошла Дарья с повозки да едва себя от страха ощущала. Велел ей староста под огромную берёзу сесть да подал все её одеяла и покрывала. На отца девица старалась не смотреть, а дед Никодим, склонившись к ней, тихо произнёс на ухо:

- Ежели обмануть решишь всех, сбегать, то беду великую на всех нас накличешь. Потому, Дарья, прими свою судьбу кротко да покорно. И прощай...

Казимира же трясло сейчас так, словно это его сейчас к верной смерти готовили. Должно быть, в каком-то смысле так оно и было, и всё же...

- Никодим, позволь мне с дочкой остаться... - попросил он, но тот был непреклонен.

- Невеста должна встречать жениха одна! - твёрдо заявил он. — Таковы правила! Идём, Казимир!

Тот, подойдя к дочери, крепко обнял её в последний раз и разрыдался.

- Не плачь, отец... - попыталась Дарья успокоить его, хотя сама едва могла сделать это. — Только исполни мою последнюю просьбу: передай Ратимиру, как вернётся, что любила его я... И не хотела, чтобы так получилось... И за то, что проститься нам не удалось, пусть тоже на меня зла не держит...

Казимир взревел, будто раненый медведь, и старосте пришлось уводить его чуть ли не силой. Уехали они, умчались на тройке лошадей, и чёрный лес погрузился во тьму, освещаемую лишь огромной луной да холодными, словно льдинки, звёздами.

Дарья закрыла глаза, готовясь к неизбежному. Холод уже пробирался под одежду, начинал глодать кожу. До чего же было больно, до чего же обидно. Но сожалеть было поздно. А что, если и впрямь Мороз-княже на деревню свою злость обрушит, ежели она убежит, малодушие покажет? Нет уж, своим родным да соседям она такого не желала.

И, закрыв глаза, почуяла девица, как сладкий сон к ней крадётсЯ. Мысленно попрощалась она со всеми, кого знала и любила. А напоследок лишь произнесла:

- *Мороз, батюшка, пожалуйста, побыстрее...*

Глава 3

Ноги сами понесли меня к стадиону, туда, откуда я ушла всего с полчаса назад. Что я там намеревалась делать, я не знала. Но возвращаться «домой» я точно не собиралась, потому как мои «дорогие родители» перешли уже все границы дозволенного, а отчим уже дошёл до угроз. Не знаю, насколько реальны были они были, но раньше он рук не распускал. А теперь... Нет уж, лучше сгинуть, замёрзнуть в тридцатиградусный мороз, чем стать подстилкой приятелей дяди Миши. А раз моей родной матери было наплевать...

Стадион уже был закрыт, холод спугнул не меня одну, и люди разбрелись по домам, не желая мёрзнуть. Мне же и пойти больше было некуда, и тогда я, обогнув массивный забор, направилась в парк, что располагался по соседству со стадионом.

В это время суток он был прекрасен. Белый снежок поблёскивал в свете фонарей, переливаясь, точно серебро, которым было покрыто всё вокруг. Спящие до весны карусели, заиндевелые деревья, лавки и фонарные столбы - все они источали волшебный магнетизм, любоваться которым мне не мешали ни ледышки на ресницах, в которые превратились мои слёзы, ни дрожавшие от холода губы.

Я провела на морозе достаточно времени, не успев согреться перед тем, как опять оказалась на улице. И теперь

едва ощущала себя живым человеком. Людей, кроме меня, здесь было немного. В основном по дорожкам парка то в одном, то в другом направлении двигались те, кто работал допоздна, и теперь стремился поскорее оказаться в тепле. Они, закутанные в шубы и шарфы, с шапками, напользавшими на глаза, попросту меня не замечали. Да и чем бы они смогли мне помочь? У них была своя, жизнь, к которой я не имела абсолютно никакого отношения.

Мороз уже пробрался под куртку и перчатки давно не спасали мои окоченевшие руки. Я свернула с дорожки, понимая, что силы оставляют меня. В тени деревьев, почти в крошечной темноте, я опустилась прямо в сугроб, прижавшись спиной к ближайшему из деревьев. Голова кружилась, в ней поселилась небывалая легкость. Как жаль, что ноющие от холода конечности ещё держали меня здесь, в этой реальности, не давая забыться, расслабиться, уснуть.

Нужно было бороться, ведь я ещё была так молода, чтобы умереть! Но сил не осталось, как и желания жить в этом мире. На ум внезапно пришла сцена из любимой сказки детства, и я зачем-то произнесла вслух ставшую крылатой фразу:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

И сморщилась, представив, что бедная Настенька испытывала в тот момент, когда злая мачеха отправила её на верную смерть. Нелегко пришлось бедняжке. Как и мне, вот только в роли злодея в моей собственной жизни выступал отчим.

Улыбнулась, вспомнив, чем закончилось дело для сказочной Насти. Как жаль, что моя собственная жизнь совсем не была похожа на сказку, только если на очень страшную.

- Мороз, батюшка, пожалуйста, побыстрее... - прошептала я, сама уже наполовину не понимая, к кому обращаюсь и чего хочу. – Я устала, я больше не могу...

И закрыла глаза, чувствуя, как сон подкрадывается ко мне всё ближе и ближе.

Мне снился дурной сон. Обычно после таких кошмаров я чувствовала себя разбитой и весь последующий день меня мучила головная боль. А потому раскачиваться я не торопилась.

К тому же мне было очень холодно. Настолько, что я дрожала, даже будучи в одежде, в которой я почему-то сейчас оказалась. Отопление что ли отключили? Нужно будет пожаловаться участковому или куда там обычно идут по этому поводу... В общем, эту проблему всё равно предстояло решать. Но не сейчас, не сию минуту.

Я попыталась опять расслабиться и уснуть, но холод был такой, что легче было проснуться. Кое-как приоткрыв глаза, я поняла, что сижу в лесу, в сугробе, прижавшись к дереву, а летящий с неба снежок всё больше укрывал меня, словно пушистым одеялом. Только очень холодным, оттого мне и было так холодно.

Угу. Всё понятно. Значит, я всё ещё спала, а организм по-

сылал мне красочные осязаемые сны. Меня они совершенно не устраивали, но кто бы интересовался моим мнением...

Надо было вставать. То есть, пробудить себя, но сколько я не пыталась, мне никак не удавалось проснуться. К тому же мне начало казаться, что и тело, которое мне сейчас снилось, было не моим вовсе. Да и одежда. А когда я увидела толстую светлую косу, что спускалась через моё плечо по груди да ниже пояса, то и вовсе обомлела. Это была не я!

Но хорошо, что всё это происходило только во сне. Очень странном сне, которые мне отродясь не снились.

Я поднялась на ноги, едва понимая, что происходит. Снег хлопьями полетел с моей шубы, что была длиною до самой земли. На руках я обнаружила тёплые овчинные рукавицы, а на голове - плотный платок, состоящий из двух слоёв: нижнего хлопчатобумажного и верхнего пухового. На ногах – тёплые чулки и вычурные валенки. Вот ничего себе мне сны снились! Кому рассказать – не поверят!

Однако несмотря на то, что на мне было столько тёплых вещей, я очень мёрзла, начав подозревать, что сидела в этом сугробе уже очень много времени.

И тот факт, что я никак не могла проснуться, тоже начал меня настораживать. Ну, не нормально это, так замерзать и при этом не возвращаться в свою привычную реальность!

Я сделала несколько шагов по сугробу, пытаюсь выбраться... хоть куда! По снегу тянулась дорожка глубоких челове-

ческих следов, припорошенных снегом. Возможно, их оставила я сама, ведь как-то мне нужно было сюда попасть!

В общем, я воспользовалась ими, чтобы выйти на дорожку, ведущую... А вот это мне только предстояло выяснить. И, чтобы не заблудиться, мне лучше было придерживаться этой узкой лесной тропки. Не знаю уж, в какие игры играл со мной мой собственный разум, но у меня не было выбора, и я должна была действовать по его сценарию.

Всюду меня окружал лес, холодный, скованный морозом и припорошенный снегом. Зима вовсю наслаждалась своими правами, и, кажется, отрывалась на природе по полной. Моё новое тело вело меня куда-то, и я, едва переставляя замёрзшие ноги, послушно шла на зов своего сердца. И подобное усердие было вознаграждено: вскоре лес закончился, а вдалеке показалась раскинувшаяся деревня с маленькими деревянными домиками и дымящимися трубами. И я очень надеялась, что мой квест во сне подошёл к своему логическому завершению.

Но, боги, как же я тогда ошибалась! Как ошибалась!

Глава 4

Удивительно, но я по-прежнему ощущала себя живой, настоящей, а не той, кем, как самой мне казалось, я была в этом странном нескончаемом сне. Интересно, долго он ещё собирался длиться? И почему я не просыпалась, хотя ведь и понимала, что сплю? Когда-то давно я увлекалась чтением книг по нетрадиционной медицине, из которых знала, что есть определённые препараты, способные вызвать такое состояние у человека. Но я не помню, чтобы принимала хоть что-то накануне. Да и вообще я была здоровой и редко болела, не говоря уже о том, что у моей «дражайшей» семейки обычно денег не хватало даже на аспирин.

Значит, дело было не в этом. Но тут назревал другой вопрос: тогда в чём?

Так, размышляя, я медленно, но верно продолжала идти к селению, что увидела ещё издалека. Отчего-то дорога казалась мне знакомой, словно я ходила по ней не единожды, да и название деревни, к которой я приближалась, было намертво прописано в моей голове – «Людовка», в этом я даже не сомневалась. Как и в том, куда мне следовало идти.

Но откуда, скажите мне, всё это взялось в моей голове? Ведь я была обычной городской жительницей, и настоящую деревню видела лишь на картинках. Может, в фильме каком углядела? Но я не могла вспомнить, когда в последний раз

ходила в кино. А старенький ноутбук давно перекочевал к моей подруге, опять же, из-за проблем с родителями, то есть их тягой к лёгким деньгам.

Значит, скорее всего, это разбушевалась моя фантазия – и здесь было чем гордиться. Наверное...

Когда я подошла к краю деревни, люди, завидев меня, настороженно замирали и по их встревоженным лицам я поняла, что они видеть меня вовсе не рады. Я знала их всех – и сухонького старичка с охапкой хвороста, по имени Буеслав; и хромую вдову Душану, что тянула за собой двоих ребятнишек, таких же сухопарых, как и она сама. И всех прочих, что смотрели на меня сейчас со страхом и укором.

Ещё меня насторожил тот факт, что никто из них со мной не поздоровался, не поприветствовал, хотя я знала, что здесь это было в порядке вещей. Но да ладно. Пребывая в шоке от происходящего, я и сама вела себя не лучше, никому из них не произнесла ни слова, чтобы пожелать здоровья.

Лицо сводило от холода – мороз, наверное, перевалил уже за тридцать градусов, но я видела знакомый дом, и калитку, и покрытую сеном крышу, из трубы которой тянулся строго в небо густой белый дым.

Дом, милый дом...

Когда я поняла это, то шаг усилился сам собой. Мне хотелось поскорее добраться до тёплого крова, но, когда до заветной двери оставалось всего ничего, она неожиданно отворилась, едва не задев меня. И на пороге показалась уже не

молодая, но всё ещё крепкая женщина с длинными тёмными косами, что преградила мне путь, не позволяя войти в дом.

- Что ты наделала?! – сходу набросилась она на меня, а я, не понимая, что происходит, отпрянула назад, уставившись на неё совершенно непонимающим взором.

- Что случилось, матушка?.. – произнесла я робко, явно не своим голосом – мой был явно пониже, а этот журчал лесным ручейком, да ещё с таким древнерусским акцентом, словно меня озвучивал сейчас кто-то из моих предков.

- Как что?! Сама-то не понимаешь, дурёха?! – глаза «матушки» вспыхнули недобрым огнём, а рука взметнулась вверх, словно она готова была отвесить мне оплеуху.

Я не понимала. Ничего, кроме того, что эту женщину звали Люта, и матерью она мне не была. Мачехой, если говорить точнее. Женой моего отца, но... Стоп! Какого ещё отца? Мой отец давно погиб, попав под колёса автобуса. А это...

Женщина не успела завершить своё грязное дело. Дверь распахнулась вновь, и, оттесняя её, к порогу вышел он – *батюшка* Казимир, которого я, как оказалась, любила всем сердцем.

- Дочка! – бросился он ко мне, потеснив жену. В одном слове слышалось столько любви и искренней заботы, что у меня слёзы брызнули из глаз непроизвольно, и я рыдалась в его крепких объятиях. – Жива! Я знал! Я верил!

Он чуть ли не силком затащил меня в дом под недовольный взгляд своей жены, что всё так же непримиримо свер-

кала чёрными глазищами.

- И чему тут радоваться?! – завелась вновь та, сложив руки на груди. – Мороз-княже не принял нашу жертву! А значит...

Отец не слушал её, обнимая меня так крепко, как только мог. Я же, напротив, напряглась, пока ещё не совсем понимая, из-за чего так злится эта стерва. Но то, что Люта была стервой, даже и понимать было не надо!

- Остынь, жена, - легонько, почти ласково осадил её Казимир. – Дарья жива, а это самое главное! Чего тут печалиться?!

- А то, - и не думая слушать своего мужа, продолжила злиться Люта. – Что ждать теперь беды похлеще, чем смерть твоей дочери!

Отец не ответил, тряхнув головой, словно сбросив её злые слова со своих волос. Я не вмешивалась в их спор, пытаюсь вспомнить, что же случилось накануне – почему я оказалась в лесу, одна, да ещё вдобавок должна была умереть?! Что за странный ритуал они надо мной проводили?

- Ты не переживай, дочка! – Казимир, словно только что опомнившись, принялся снимать с меня верхнюю одежду, словно я была маленькой девочкой. Но пальцы мои настолько замёрзли, что не слушались меня толком, и его забота была как нельзя кстати. – Сейчас мы тебя накормим, напоим, да всё пойдёт своим чередом...

- Беда, беда, беда, - словно сорока принялась повторять

мачеха, теперь даже не поворачивая голову в мою сторону.
– Ты погубила всех нас, а значит...

Но в тот миг дверь с грохотом распахнулась, и на пороге я увидела его – огромного, широкоплечего, с ярко-синими, сверкающими сумасшедшим блеском глазами молодого мужчину. И невольно попятилась назад...

Глава 5

- Жива! – рывкнул он, подлетая ко мне, как совсем пару минут назад Казимир, и сграбастал в свои могучие объятия так крепко, что едва дух из меня не выдавил. – Жива! Значит, наврал мне кузнец Никитка! Ух, я с него, подлеца, шкуру спущу! Проучу мерзавца!

Вид этого парня, настоящего русского богатыря, был настолько грозен что впору было пугаться. Но я отчего-то не боялась его, вспомнив, что были мы близки... в душевном плане. И звали этого синеглазого громилу Ратимир. Любовь у нас была как в сказке. Мы даже с ним жениться, кажется, собирались...

Ой...

Растрёпанные тёмные кудри, пышущие жаром, словно у загнанного коня, ноздри... Понятно, почему Люта сразу же свой рот закрыла. Такой мизинцем нечаянно ударит – голову проломит. А уж ежели специально...

Но где-то в глубине души знала я, что на женщину, пусть и такую дурную, как моя мачеха, Ратимир никогда руку не поднимет. Слишком уж честным он был, благородным. И оттого на сердце тепло сделалось, хорошо.

- Не обманул тебя Никитка, - с горечью в голосе произнёс Казимир. – Отлучился ты, Ратимир, так невовремя! Обряд священный пропустил. А на нём нашу девочку...

Пожилой мужчина не смог удержать слёз, а только что пришедший добрый молодец продолжал гневаться – того и гляди пар из ушей повалит!

- Да как они посмели, зная, что помолвлены мы?! – взревел он пуще прежнего. – Какое право имели Дарью да на тот обряд вести?!

- Дык, - принялся оправдываться Казимир, - помолвлены – не женаты, сам знаешь. А закон для всех один. Хочешь не хочешь, а идти надо!

- Знаю! – дрожа от злости, скрипя зубами, согласился Ратимир. – Но если бы я здесь был... Но... Как же ты смогла, Дарюшка? Как выжила?!

Это был не дежурный вопрос. Парень явно переживал да так, что и сам едва слёзы на глазах сдерживал, боясь показать слабость. В этот миг все взгляды повернулись ко мне, ибо все ждали ответа на вполне логический, по их мнению, вопрос, но... Но я просто не знала, что обычно отвечают во сне на такие вопросы.

- Сама не знаю, - пожала плечами, стаскивая с них тяжёлую добротную шубу, в которой мне уже становилось жарковато. Голос мой был непривычен даже мне. К тому же, я, кажется, простыла – так и хотелось покашлять, но я держалась из последних сил. – Всё происходило будто во сне...

И ведь не соврала даже, ведь сон мой продолжал мне сниться, а уж каким было его содержание, говорить вовсе было не обязательно. Однако что-то мелькнуло во взглядах

смотрящих на меня людей такое, выразившее недоверие, но вслух ни отец, ни Ратимир ничего на этот счёт не сказали. Лишь Люта скривилась пуще прежнего, словно клопа только что раскусила. Но промолчала, скосив взгляд на моего, кхм, жениха. Видно, боялась она его за огромный рост да широкие плечи. А, может, и иная причина имелась.

- Ты, дочка, давай, отдохни, - вновь засуетился отец, спохватившись. – Поешь, полежи, выпишь...

- Да я как бы уже вдоволь выспалась... - неосторожно заметила я, намекая, в что ночь, проведённую в лесу, я только и делала, что спала. – Вот поесть было бы не плохо...

Казимир тут же засуетился, подавая на стол вчерашний хлеб да холодное молоко из сеней, рыбную похлёбку, жареную картошку и даже солёные грибочки в масле. От вида такой простой деревенской пищи у меня чуть слюна не потекла, и я держалась из последних сил, чтобы не наброситься на предложенное «отцом» угощение словно дикий зверь. Ещё надо было заметить, что Люта и пальцем не пошевелила, чтобы ему помочь. Но тому, видать, было не привыкать.

- Ратимир, и ты садись за стол, чего стоишь... - по-простому пригласил Казимир моего будущего мужа к столу. – Да рассказывай, чего у тебя нового произошло, куда на этот раз пропадал...

Тот сел, громко пододвинув дубовый стул, и я заметила, как он стушевался, взглянув на моего отца, словно стыдясь чего-то или желая скрыть.

- Да я по делам уходил, в город на ярмарку лисьи шкуры возил, да вот немного припозднился. Прости меня, Дарьюшка, что не уберёг! Будь я тут рядом, ничего бы с тобой не случилось...

Ну вот, опять началось. Мне показалось, что отец этот разговор затеял лишь для того, чтобы подальше от «неудобной» темы уйти, а Ратимир опять к ней же и вернулся.

- Полно себя корить, - бодро ответил ему отец, хотя глаза его оставались пустыми да настороженными. – Благо, обошлось всё. Да, Дарьюшка?

Он подмигнул мне, ласково улыбнувшись, но я нутром чувствовала: не обошлось. Но промолчала, вымученно улыбнувшись в ответ и налегла на картошечку с молоком. Как бы то ни было, есть я хотела так, будто не во сне сейчас была, а наяву неделю ничего не ела. Нужно было воспользоваться ситуацией и просыпаться. Этот сон, конечно, был весьма забавным, да и отца в моей реальной жизни давно не было, а уж чтобы найти такого жениха в моём родном городе, и речи не шло. Нынче парни обмельчали, как телом, так и душой. Одни узкие джинсы да серьги в ушах чего только стоили, а тут... На Ратимира даже просто смотреть было приятно, достойный представитель всего мужского рода, если можно было так выразиться. Чувствовалась в нём и физическая сила, и характер, и воля, и то, что называлось силой духа. Настоящий русский богатырь!

И всё же нужно было возвращаться в свою суровую дей-

ствительность, пока я к хорошему ещё не так сильно успела привыкнуть.

Но тут Люта, всё это время стоявшая у окна и в него смотревшая, ухватила за передник и, повернувшись к нам, нервно произнесла:

- Идут!

- Кто идёт?! – опешила я, напугавшись.

- Люди идут! – с нажимом произнесла она. – Говорила же, беду ты на нас накличешь! Вот и дождались...

Глава 6

Я заметалась взглядом по комнате. Куда спрятаться-то?! Или куда бежать?!

Точно... Нужно было просто проснуться, оставить сон и переместиться туда, где всё намного проще. Или сложнее, это с какой точки зрения посмотреть. Но сколько бы я не щипала себя, не царапала гудевшую от мороза кожу, но просыпаться не получалось. И меня одолел животный страх – а ну как опять меня в сани посадят, да на мороз в лес свезут?! С этих станется...

Но тут из-за стола поднялись отец и Ратимир.

- Ты, Дарыюшка, в избе посиди, носа пока на улицу не кажи. Мы тут сами потолкуем, - с ледяным спокойствием в голосе произнёс мой «жених».

И я послушно опустилась на лавку, сложив руки на груди. Есть уже расхотелось, страх перед неизвестностью отбивал аппетит не хуже, чем таблетки для похудения, на которых всё время сидела моя подруга.

Мужчины же уверенной походкой отправились встречать «гостей», Люта пристроилась к ним, но держалась сзади, явно опасаясь своих же односельчан.

Когда мужчины приоткрыли дверь, чтобы выйти на крыльцо, я увидела, что людей и впрямь собралось немалое количество, и, должно быть, прибудет ещё больше. Мне сле-

лалось страшно от одного осознания этого — я помнила и обряд, на котором старейшина выбрал меня жертвой, которую должны были принести Морозу-княже. И то, как рыдал отец. И ночную дорогу в лес, по которой он меня сам же и отвозил. До чего чудный сон, странный! Отчего же у меня было такое ощущение, словно и не сплю я? А всё это происходит на самом деле.

Взглянув на свои руки, которые моими и не были, я пошевелила пальцами, почувствовав подушечками шершавую кожу ладоней. Руки эти были привычны к физической работе, хоть и оставались нежны да белы. А коса... На зависть всем были сейчас мои волосы! Такие густые и длинные, светлые, словно выбеленные! Но ведь натуральные, сразу чувствовалось.

Тогда я коснулась лица своего, ощущая непривычный овал его, высокие скулы, чуть заострённый подбородок. Нет, здесь явно что-то было не так. Неправильный это был сон какой-то!

Подойдя к окну, я осторожно заглянула в него, отведя занавеску в сторону. Толпа, стоявшая перед домом, явно была недовольна. Люди что-то кричали, требовали, и я опять поёжилась, где-то в глубине души зная, что это я их разочаровала. Тем, что выжила в тёмном и холодном лесу, не став настоящим жертвоприношением. Что за дикость царила в этой деревне? Чего на самом деле добивались эти люди? Неужели их суеверный страх был настолько сильным, что они го-

товы были пойти на преступление ради того, чтобы успокоить свои нервы?

Верилось с трудом, но и наблюдая за всем происходящим своими глазами, не поверить было просто невозможно.

Чтобы хоть как-то успокоиться, я прошла вглубь дома, не зная, чем ещё могу сейчас заняться. В одной из комнат я увидела лежащую на постели девушку, почти девочку. Она то ли спала, то ли просто дремала на кровати, но даже сквозь толстое одеяло, которым она была укрыта, я заметила её странную худобу, выпирающие кости, что явно указывали на какую-то хворь, которая приключилась с ней. Ведь с ней явно что-то приключилось.

- Желана... - позвала я, сама себе удивившись – и откуда только это имя в памяти взялось?

Она отреагировала не сразу. Зашевелилась, словно сонный котёнок, а уж потом приоткрыла глаза.

- Дарья? – даже она удивилась, взглянув на меня так, словно призрак увидела. – Но ты же...

- Жива я, жива, - заверила я её, наблюдая её нездоровую бледность. – Только не спрашивай, как. А с тобой что произошло?

Девушка качала головой.

- Приболела, - тихим голосом отозвалась она.

И я вспомнила, что болела она довольно-таки часто.

Вспомнила...

Да что же это за сон-то такой? Целая жизнь с лихо закру-

ченным сюжетом! Как такое может вообще присниться?

А ещё я поняла, что с этой девушкой мы были не особо близки и поговорить нам было особо не о чем. Но сердце сжималось при одном взгляде на неё, болезную, и мне захотелось хоть как-то её поддержать.

- Простудилась, наверное? – спросила я, хотя никаких признаков простуды у Желаны даже не наблюдалось.

- Не знаю, - тихим голосом ответила она. – Мамка сказала, что как только тебя Мороз-княже в качестве дара примет, так у меня сразу всё и наладится...

Она не осуждала меня, как Люта, за то, что не принял Мороз их жертву, не обвиняла. Просто констатировала факт. А у меня мурашки побежали по коже. Неужто Люта родной дочери такое про меня сказать могла, всем сердцем на то надеясь? Всё же мы, как-никак, но сёстры были, пусть и сводные. Но видать черна была душа моей мачехи, а оттого позволяла она себе высказывать такие вещи.

- Получается, я теперь совсем не поправлюсь? – спросила Желана совсем уж тихим голосом.

- Что за глупости?! Конечно, поправишься! – обнадежила я её. – Вот пройдёт зима, там легче станет...

Та кивнула, со всем согласная, всему покорная. И опять тут же задремала. Я больше не стала её беспокоить, понимая, как тяжело, должно быть, сестрице сейчас приходилось. И вновь оправилась к окошку.

Но лучше бы я этого не делала. Градус, кажется, только

нарастал, и мне стало боязно за своего отца и ... возлюбленного. Оба этих определения до сих пор не укладывались в моей голове, потому как ни того, ни другого у меня на самом деле не было. Кажется, без моего непосредственного участия всё равно было не обойтись. И я, вновь облачившись в шубу и тёплый платок, подалась на улицу, где сейчас происходило основное действие.

Но едва стоило мне преступить порог дома, как толпа смолкла и все уставились на меня...

Глава 7

Выйти-то, я вышла. Но как увидела всех этих людей воочию, так, кажется, все слова разом и растеряла. Лица односельчан были напуганы, а у кого-то даже злы. В целом от них так и веяло недоверием и страхом, но пока это была лишь толпа, без оружия в виде вил да лопат, ведь, насколько подсказывала мне моя память из этого сна, подобные сборища недовольных именно тем и заканчивались.

Я открыла было рот, но язык меня не слушался. А они, все эти люди, всё-таки ждали, что я им скажу.

- Ты почто из дома вышла?! – грозно буркнул на меня Ратимир, и я отчётливо ощутила его страх, но не за себя, а за меня, горемычную. – Я что сказал? Сами разберёмся...

- Дочка, ты это, иди за дверь, - мягко поддержал его отец. – Мы сейчас поговорим с людьми добрыми, да за тобой следом...

И лишь Люта стояла молча да так на меня смотрела, будто хотела, чтобы я от одного её взгляда разом вспыхнула и сгорела.

- Нет уж, раз здесь она, вот пусть сама и расскажет нам, отчего не пришлось по вкусу наше подношение Морозу-княже?! – выкрикнул кто-то из толпы, стоящей передо мной.

- А можа сбежала?! – подхватил эти слова чей-то старушечий голос. – Да отсиделась где ночью? А утром пришла,

как ни в чём не бывало...
 - Да что ты, Параскева, болтаешь! – возразил кто-то этой старухе. – Где в такую стужу отсидеться-то в лесу?! Нет, не в этом дело, а в чём-то другом!

- Или не девица она вовсе... Вона как Ратимир её защищает! – ляпнул кто-то ещё, отчего мои щёки вспыхнули алым, хоть и ложью то было. Но тут уже и сам Ратимир не выдержал.

- А ну, пасть прикрой, Избава, а то я, несмотря на твой почтенный возраст при всём честном народе так тебя вожжей выпорю, чтобы ты на девку напраслину не наводила да поганым своим языком не порочила её честь!

Старуха, произнёсшая это, охнула и поспешила затеряться в толпе, испугавшись слов богатыря. У меня немного отлегло от души, но народ расходиться не желал, требуя разъяснений. И тогда я решилась.

- Люди добрые! – обратилась я к ним, поклонившись. И как только поняла, что именно с этого надо начать. – Все вы видели вчера, как отец да старейшина наш, дед Никодим, отвезли меня вчера в лес. А там оставили под ёлкой вместе с подарками для того, кто испокон веков за дар сей оберегал нас и нашу деревню! И сидела я тихохонько, с места не сдвинувшись! Но не пришёл Мороз-княже, даже на глаза мне не показался! И в живых посему оставил. Да только в чём моя вина? Может, не по нраву ему пришлась. А, может, решил, что хватит девиц невинных губить да грех на душу такой брать?! Не дано мне знать того. Да, я жива осталась.

Но ведь может этого и желал наш покровитель? С меня-то спрос какой?

Люди, внимательно меня выслушав, зашептались, зашпорили между собой. Толковать, впрочем, не о чём было – насколько я помнила, такой случай впервые произошёл на моей памяти. Было интересно другое – откуда эта память у меня взялась.

Я опять стала мёрзнуть, стоя на крыльце на морозе, а сон всё не заканчивался и не заканчивался. Конечно, мне хотелось узнать, к чему это всё в результате приведёт, но как-то уж подозрительно долго длилось это действо. Нереально долго... К тому же, я отчётливо понимала, что это всего лишь сон. Но проснуться по-прежнему не могла, и это наводило меня на грустные мысли.

Пока я размышляла о странностях, происходящих со мной, споры в толпе разгорались всё с новой силой. Кто-то требовал вновь отправить меня в лес, так сказать, провести попытку номер два. Кто-то, напротив, призывал не гневить богов, раз уж в первый раз отказался Мороз-княже от такого «подношения». Мы же с теми, кто стоял со мной на крыльце, просто наблюдали за этим балаганом, хотя я нутром чувствовала напряжённость и отца, и Ратимира, и даже Люты, но, должно быть, переживала она совсем по другому поводу. Безучастных, в общем, не было, но тут старик - дед Никодим, ударив своей палкой оземь, призвал всех к тишине.

- Слушайте меня! – гаркнул он по-стариковски звонко, хо-

тя и грозен был его вид, и люди его откровенно побаивались. – Раз Мороз-княже не принял наш дар, то мы должны преподнести ему другой!

Эти слова вызвали в толпе очередной всплеск негодования и поровну одобрения – те, кто дочерей своих хотел уберечь, были, конечно, против. Ну а кому терять было некого, только рады были новой жеребьёвке, ибо за свои жизни опасались они больше, чем за чужие. И тут я поняла, насколько мелочными были все эти люди без исключения, трусливыми и недостойными. Всё равно им было, кого на «жертвенный камень» принести, лишь бы свою шкуру уберечь на подольше.

Но сколько бы кто не спорил, слово старейшины всё же было законом. На том и порешили – быть ещё одной жеребьёвке. Как услышала это Люта, так в дом бросилась, дверью хлопнув. Ну что же, её тоже можно было понять – только вчера все матери дочерей были уверены в том, что ещё хотя бы на год продлили жизни своим любимым чадам. А тут такая оказия...

- Расходитесь! – громогласно прикрикнул на односельчан Ратимир. – Скоро боги решат, кто достоин спасти нашу деревню от их гнева. А сейчас не мешайте добрым людям отдыхать да трудиться, идите по домам!

С этими словами он, подхватив меня под руку, буквально силой завёл в дом. А следом зашёл Казимир. И на сердце моём слегка полегчало.

Глава 8

Сон не кончался, хотя я была уверена, что на этом всё. Мне, конечно, было интересно узнать, что будет потом и чем всё это закончится, но пора было и честь знать. В гостях, как говорится, хорошо, а дома...

От этой мысли кривая усмешка появилась на моём лице сама собой. Слово «лучше» не подходило к моему дому от слова совсем. И хоть здесь, как я успела понять, жизнь была не сахар, но всё же у Дарьи, роль которой я сейчас «играла», хотя бы имелись любящие её люди – отец и Ратимир. У меня же даже котёнка не было, а родной матери я была не нужна. И всё же само понятие «дом» грело душу и радовало сердце. К тому же там всё было привычно, и я знала, чего и от кого мне ждать. А здесь я могла только догадываться и подстраиваться под ту или иную ситуацию.

Ратимир распрощался со мной и остальными, сославшись на дела. Я, с одной стороны, была рада этому, с другой же немного опечалилась, потому как чувствовала себя рядом с ним в безопасности. Даже родной отец не мог дать мне этого, потому как едва мой «жених» откланялся, то в мою сторону сразу же начались нападки со стороны Люты.

- Совести у тебя нет! – зашипела она, точно змея, злобно сверкая глазами. – Не пряталась бы от судьбы своей, не опозорила бы дом наш и людей невинных не подставила бы!

- Это чем Дарья наш дом опозорила? – нахмурился Казимир.

- А тем, что неизвестно, где она ночь пропадала! Никак в объятиях жарких самого Ратимира!

- Рот свой поганый закрой, женщина! – вскипел отец, побагровев от ярости. – Уж как бы ты мою дочь не похабила, а бесчестной у тебя нет права её называть!

Люта и впрямь смолка, вытаращив на него свои тёмные, словно ночь, глаза. Видать не часто батюшка позволял себе такое в её отношении, вот и взбеленилась... ведьма!

Осознание того, что это может быть правдой, зашевелилось где-то глубоко у меня в душе, но я тут же постаралась отогнать эту мысль прочь. Глупости! Я родилась и выросла в двадцать первом веке, даже если и оказалась сейчас в каком-то кошмарном сне, из которого всё никак не могла выбраться. Но в ведьм, как и во всё остальное сверхъестественное, я никогда не верила. Хотя, наверное, уже пора было сомневаться.

- Из-за неё, - Люта едва сдерживалась, чтобы не впасть в самую настоящую истерику, но костяшки пальцев её побелели, а вены на шее вздулись в напряжении, - из-за неё обряд выбора невесты будут проводить повторно!

- Не из-за неё, а по воле богов, - ответил ей Казимир, поглаживая грудь в области сердца. Он тоже попытался успокоиться, но лишь благодаря тому, что неважно почувствовал себя из-за спора с женой.

Я тут же подошла к нему, желая выяснить, что с ним происходит, но черноглазая стерва вновь вклинилась со своими претензиями.

- Не смейся, Казимир! – насмешливо выкрикнула она, словно и не замечала, что муж себя плохо чувствует. – Когда это боги отказывались от предложенных им даров?! Что, думаешь, среди них до твоей дочери «порченного товара» не было?! Не глупи! Боги проглотят и не такое, только предложи! Сбежала она, чтобы шкуру свою спасти! Как есть сбежала!

На самом деле я досконально не знала, что здесь произошло, почему я оказалась вдруг той самой Дарьей, которой уготовано было стать жертвой жестокого бога, который не гнушался из года в год убивать ни в чём не повинных девиц в ответ на свою сомнительную защиту. Но раз я очнулась в лесу, то, должно быть, обвинения Люты были безосновательны. Оставалось выяснить одно: почему вдруг в этом несчастном теле очнулась я, а не Дарья?

Догадка осенила меня так неожиданно, что даже голова закружилась: а что, если настоящая Дарья и впрямь умерла?! Ну, то есть душа её покинула тело, а я... А я каким-то образом в него угодила. И теперь все думали, что я – это она... Но тогда что стало с моим собственным телом? Куда оно подевалось?

И тут я вспомнила всё, что случилось накануне. Холод, зимний стадион, угрозы отчима дяди Миши. И то, как я убе-

жала из дома в парк, а там уселась под ближайшее дерево и... замёрзла?

О, нет! Неужели со мной это всё-таки произошло? А как же жить «долго и счастливо»? Все эти планы на самостоятельную жизнь вдали от родителей, собственные дом и семья. Дети... Мне захотелось расплакаться, и, о чудо! Это произошло! Никакой это был не сон. Реальность во всей своей красе, словно древние боги решили надо мной подшутить. Или, как вариант, дать второй шанс на ту жизнь, о которой я могла лишь мечтать. Но ведь это было не совсем то, чего я на самом деле хотела...

Люта продолжала что-то со злом мне высказывать, но я попросту не слышала её. В голове шумело от страшной истины, открывшейся мне только что. И только слабый голос отца, всё так же державшего руку на своей груди, вывел меня из этого состояния.

- Дочка... Что-то не можется мне... Подсоби...

Я перевела свой взгляд на Казимира, который то бледнел, то становился совсем багровым, и тут я, наконец, сообразила, что у него проблемы с сердцем.

- Тебе нужно лечь! – воскликнула я, помогая ему перебраться на постель, расстеленную на печке. О, да! Я отчётливо знала, что это именно его место, ведь память Дарьи услужливо подсказала мне об этом, и я, не задумываясь, ей поверила.

Люта не стала мне помогать, зыряка чёрными глазищами

и продолжая делать вид, что ничего не произошло. Наверное, замужество с Казимиром тяготило её, раз она так равнодушно воспринимала его проблемы со здоровьем. Ну что же, справлюсь и сама... Не впервой.

- Я схожу за лекарем, - заботливо укрывая своего здешнего отца одеялом, произнесла я. – Тебе нужна помощь...

И тот, кивнув, закрыл глаза, даже не став спорить.

Глава 9

Выйти из душевной избы на мороз оказалось приятнее, чем всё время чувствовать на себе взгляд мачехи, явно добра мне не желавшей. Ну что за стерва! Дарья и так в этой жизни натерпелась, росла без матери, а потом Люта в их дома пришла вместе со своей дочерью Желаной. И нет бы той хотя бы постараться чужой девочке матерью стать! Так она, напротив, делала всё, чтобы Дарья в своём родном доме себя лишней ощущала. За свою дочку тряслась, а чужую готова была на смерть верную отправить. И ведь отправила, ехидно улыбаясь...

Всё это мне подсказала память Дарьи, которая, по всей видимости, принадлежала теперь и мне.

Конечно, после случившегося, боязно было выходить на улицу, да только выбора у меня особого не было. Отцу было плохо, но хоть это был отец Дарьи, а всё же рассчитывал он сейчас на меня, думая, что я это она. Что поделаться, раз так получилось. Да, к тому же, не могла я мимо горя людского пройти мимо, пусть даже и незнакомым бы мне вовсе был человек. Не по-людски это, нос воротить, когда от тебя чья-то жизнь зависит и ты знаешь, что можешь помочь. А потому отправилась я туда, куда повели меня ноги.

Память тела Дарьи работала идеально, как и тогда, когда я из леса пыталась выбраться. Деревня была мне не знако-

мой, но я узнавала её с каждой секундой, словно просто позабыла, давно не наведываясь в эти места. На самом же деле мой мозг словно считывал всё то, что знала Дарья, и мне не нужно было «вспоминать» - всё происходило естественно да настолько, что со стороны бы ни один человек не догадался, что я здесь впервые.

Люди, что встречались мне на пути, приветливыми не казались. Ну конечно, уже все знали мою историю и винили во всём меня, но хотя бы открыто не бросались, и на том спасибо. Однако от такого отношения мне всё равно было не по себе, и я быстрым шагом шла вперёд, стараясь ни на кого не смотреть.

Путь мой лежал через всю деревню, в лес, но в другую сторону, противоположную той, откуда я впервые пришла. Старый лекарь Серафим жил на самом его краю и за глаза многие называли его колдуном, хотя сами же к нему обращались при любой маломальской хвори. Наверное, эта черта была присуща всей людской породе: односельчане не гнушались поливать старого Серафима грязью, но при случае валялись у него в ногах, прося их исцелить. Он никому не отказывал, но итог был один: добро быстро забывалось, а сплетни и беспочвенные обвинения могли жить вечно.

Дарья никогда не боялась Серафима. Скорее, относилась с трепетом и уважением к этому почтенному старцу, хоть и обращалась к нему не так часто, только в случае крайней необходимости. И вот как раз такая сейчас настала.

От его избушки за версту пахло чем-то таким... необъяснимым, загадочным, даже мистическим. Но так как в мистику я не верила, то предполагала, что Серафим мог быть неплохим психологом. Да и наверняка он разбирался в травах получше многих.

Обыкновенная русская изба из брёвен, обнесённая частоколом забора, на котором летом сушились крынки, а зимой лежал пушистый искрящийся снег – это воспоминание пришло будто из недавнего детства Дарьи и было пропитано чем-то щемяще-нежным, ностальгическим, родным. Теперь и я умилялась ему, вспоминая, как она, когда-то давно, будучи ещё босой девчонкой, бегала к «деду Серафиму» за травами да кореньями, которые велел принести ей отец.

Вот и сейчас я шла сюда, словно к доброму дедушке, которого не видела очень много лет. А он, будто почувствовав моё приближение, вышел встречать меня к порогу.

Старик был сгорблен и сед, но в острых глазах его, пристальном взгляде, читались живой ум и пытливость. Этот человек был вовсе не прост, каким, возможно, его видели остальные. Он очень внимательно смотрел на меня, пока я приближалась, а после, не здороваясь, повернулся ко мне спиной и зашёл в свою избу. Я, откровенно не зная, что это значит, отправилась за ним следом, не понимая, приглашение это или же отказ в «приёме», но выбора особого у меня не было.

В доме было тепло и пахло травами. Сушёными грибами

и настоями, отварами на все случаи жизни, которые были выставлены на стол и, должно быть, кого-то сейчас ждали. То есть, ждали, когда их заберут. Лекарь сидел ко мне спиной, словно и вовсе не замечая моего присутствия. А я, устав мяться с ноги на ноги, несмело его окликнула.

- Дедушка Серафим, там отцу плохо...

Тот обернулся и одарил меня таким тяжёлым взглядом, что в этот миг я сквозь землю была готова провалиться! А он, словно не расслышав меня, тихо произнёс:

- Значит, это правда. А я думал, старухи пустые сплетни разносят... Не принял, значит, Мороз-княже дар людской. Значит, быть беде...

И этот туда же! Я тяжело вздохнула, стараясь держать себя в руках.

- Серафим, ты слышал меня? Там человек умирает! Ему твоя помощь требуется...

- Уже нет, - уклончиво ответил он. – А вот тебе, девонька, я не знаю, что сможет помочь...

Я замерла в нерешительности, не понимая, что он имеет ввиду.

- О чём это ты, дедушка?

Но он потряс седой головой и вновь спросил:

- Кто ты такая будешь?

- Я Дарья, дочь Казимира Орешникова, ты же знаешь...

Но тот, смерив меня своим острым взглядом, вновь покачал головой.

- Вот смотрю я на тебя, вроде бы и лицом, и фигурой ты Дарья. Даже поступь да говор её, но не она ты. Словно душа в тебе чужая, девонька. Так кто ты такая будешь?

Глава 10

Я попятилась назад, не готовая сейчас говорить правду. Испуганно вытаращив на колдуна глаза, я не знала, что теперь мне от него ждать. Значит, для людей посвящённых моя тайна была не такой уж и тайной, а здесь, я уверена, за такое и на костре могли спалить. Возможно, я, конечно, перегнула, но на своей шкуре я уже смогла прочувствовать всю древность и необразованность этого мира. Раз уж эти люди так легко отправляли на верную гибель молодых невинных девушек, своих односельчанок, чтобы принести их в жертву сомнительному божеству, то, на что они пойдут, узнав, что я вовсе не Дарья?..

И хоть я была ни в чём не виновата, но мне сделалось так страшно, что пот прошиб. Дед Серафим, продолжая взирать на меня тёмными прозорливыми глазами, терпеливо ждал ответа. А мне уже хотелось поскорее отсюда сбежать, забыв всё, что здесь произошло.

- Ты ошибаешься, - наконец, произнесла я, пытаюсь взять себя в руки. – Я – Дарья...

Но тот, ни капли мне не веря, лишь покачал седой головой.

Нервы мои не выдержали, и я, не прощаясь, бросилась к двери, чтобы поскорее отсюда уйти. Сердце гулко билось в груди, выдавая мою нервозность. Но кто же знал, что оно так

всё обернётся? Кто же мог подумать?!

Дед Серафим не пытался меня остановить и догнать тоже не пытался. Но ему это было и не нужно, ведь реши он поведать всю правду людям, ему бы, наверное, поверили безоговорочно. Возможно, он так и намеревался сделать, а доказательства... Да кому они были тут нужны? На меня и так уже вся деревня окрысилась из-за того, что живая-здоровая из лесу вернулась. И, чуяло моё сердце, все эти люди обрадовались бы, представься им возможность меня убить.

Слёзы наворачивались на глаза при одной мысли об этом. Я и в том-то, своём родном теле, никогда не была счастлива, и когда бог дал мне второй шанс, то можно было понадеяться и на более лучшую жизнь. А тут... Всё вновь складывалось не совсем так, как хотелось. Вернее, совсем не так. И у меня откровенно опускались руки. Я не знала, что мне теперь делать, как быть, как жить дальше...

Но тем временем ноги несли меня обратно домой, и, уже подходя ближе, я почуяла неладное. Словно гору на плечи воздвигли, придавив сверху. А после я услышала громкий крик Люты.

- Любимый мой! Желанный! Да как же мне теперь жить-то без тебя?!
Я бросилась в дом, и, не раздеваясь, прямо в одежде, поспешила к печке, рядом с которой на полу лежал отец Дарьи. Он был неестественно бледен и не шевелился, даже не дышал. И тут меня настигло горькое понимание того, что он умер...

Ноги подкосились, и я ухнула на ближайшую лавку, понимая, что в этой трагедии виновата отчасти я. Вернее, обстоятельства со мной в главной роли, приведшие к этой трагедии. Не вернись Дарья вовсе, возможно, Казимир смирился бы со временем с этой потерей, и через некоторое время его дочь стала бы светлым и грустным воспоминанием. Но тот факт, что она со скандалом вернулась оттуда, откуда возвращаться ей было вовсе не положено, людская злоба и обвинения её во всех смертных грехах, сделали своё дело. Сердце уже немолодого мужчины не выдержало.

Рядом суежилась Люта, нарочно громко причитая и кудахтывая над мёртвым телом мужа. Но едва она заметила моё появление, как ту же изменилась в лице, взгляд её сделался злым, и она ткнула в мою сторону указательным пальцем.

- Ты! Это ты во всём виновата!

Кто бы сомневался, что мачеха обвинит во всём меня, вот только чувство вины всё равно наполнило моё сознание сверху донизу. Я, не отрывая взгляда, смотрела на Казимира, не зная, что и сказать. Этот человек был мне чужим, но память Дарьи, её воспоминания, её боль, говорили мне о том, что для этой девушки смерть отца стала бы настоящей трагедией. И сейчас я ощущала всю эту боль, пропуская её через себя и пытаюсь не обращать внимания на Люту и её злые слова, обращённые ко мне. Правда, получалось слабо.

- Видишь, к чему привела твоя самонадеянность?! – продолжала она обвинять меня во всех смертных грехах чело-

вечества. – Если бы ты пожертвовала собой, как решил то жребий, не пришлось бы нам Казимира хоронить! А теперь полюбуйся на последствия своих деяний! Этого ты хотела, Дарья?! Признайся честно!
 Я, конечно, понимала, что мачеха была сейчас вне себя от горя, и всё же обвинять меня в подобном она не имела никакого права. Я никого не убивала, никому не желала зла, и если случилось такое горе, то лишь по роковому стечению обстоятельств. Но Люте просто необходимо было кого-то обвинить, и она со злобной радостью сделала это, найдя подходящую жертву.

- Но я ничего не сделала! – попыталась защищаться я, но она даже слушать не желала.

- А как же, ничего не сделала! Вот, полюбуйся! – она вновь ткнула пальцем в сторону мёртвого Казимира. – Твоя работа! Принимай! Но не переживай! Я всем расскажу, чьих это рук дело! Он тебя защищал, себя не жалея, и вот к чему это привело! Пусть люди знают! Пусть сами решают, что с тобой делать!

Последние слова её вновь окатили меня, словно кипятком, и я, словно зверь, загнанный в угол, вскинула на неё испуганные, но полные решимости глаза.

- Я не виновата, что отец умер! Скорее уж это ты его довела до такого состояния!

- Я?! – злобы и желчи в голосе моей мачехи только прибавилось. – Да как ты смеешь, паршивка! Змея подколодная! Обвинять – меня?!

Я по привычке сжалась под её яростным напором – видеть, Дарья боялась эту стерву пуще огня, и мне тоже передалось это свойство. И не зря. Люта подлетела ко мне, замахнувшись, намереваясь ударить наотмашь. Но в тот же миг дверь в нашу избу отворилась, и на пороге я увидела Ратимира. Глаза его наливались яростью...

Глава 11

Казимира хоронили на следующий день, как тут было принято. Нужно было успеть совершить обряд до захода солнца, а потому работа предстояла нешуточная: одну могилу вырыть стоило немало усилий, земля была уже глубоко промёрзшей, да и снега намело столько, что трудно было разгрести.

Всё это время я жила словно в тумане, как будто и впрямь отца потеряла. Надо же! Стоило мне подумать, что хотя бы раз в жизни повезло и у меня появился настоящий любящий отец, как тут же судьба отняла это, словно игрушку у несчастного ребёнка! Конечно, это был скорее отец Дарьи, но в груди пекло так, будто это был мой собственный родитель.

Люди помогли и с этим. Благо, односельчане в беде не оставляли. Мне даже начало казаться, что эти люди готовы были на всё, лишь бы подобная судьба обошла их стороной. Они готовы были последнее отдать, будь то вещи, деньги или силы, только бы боги были к ним более благосклонны, чем к чьей-то иной семье, в которой произошло несчастье.

А в нашей они вдруг нечаянно-негаданно посыпались словно из рога изобилия. Это было просто совпадение, не более. Но суеверным людям всё казалось иначе. И они косились на меня так, будто это я была виновата во всех смертных

грехах человечества. С каким бы удовольствием они сейчас готовили к погребению моё тело, а не тело моего отца!

Зато у Люты появился один прекрасный повод, чтобы вновь начать вставлять мне палки в колёса. Смерть мужа, моего отца, не сильно расстроила её. Вначале она, конечно, растерялась, но потом... Она даже словно воспряла духом, готовясь к похоронам наряду со всеми, пока была дома. На людях же строила из себя скорбящую вдову и то и дело шептала своим подругам о том, что боги нас так наказали. И виной всему, естественно, я... Не вернись я тогда из леса, всем бы им было проще жить. Но я вернулась. И теперь все шишки летели только в мою сторону.

Она закрывала свой рот лишь только тогда, когда в поле её зрения появлялся Ратимир. Парню достаточно было лишь взглянуть красноречивым взглядом, и та, опустив глаза, замолкала, не желая с ним спорить. Отчего так было, я даже не догадывалась, но наверняка ведь имелась особая причина, про которую мне думать совсем не хотелось.

Проводив Казимира в последний путь и отслужив помин, я едва ощущала в себе силы, чтобы добраться до постели. Чего говорить, практически вся готовка и уборка легли на мои плечи, а здесь, в этой древней глуши, не было ни воды, ни газа, ни пылесоса, чтобы поскорее можно было со всем управиться. Несколько соседок помогли мне с приготовлением каши и супа, но мачеха демонстративно «убивалась», заливаясь слезами и периодически «теряла сознание» от мысли,

что теперь осталась одна. Это всё казалось настолько наигранным, что было заметно невооружённым взглядом. И всё же все сочувствовали ей, старались поддержать, произнося слова утешения, такие же фальшивые, как и страдания Люты.

Я не вмешивалась. Мне было просто не до того, да и кто бы меня сейчас стал слушать? Помощи ждать было не от кого, да и не привыкла я делать этого, всегда полагаясь только на себя саму. Пару раз лишь пыталась расшевелить Желану, сводную сестру, чтобы хотя бы тарелки протёрла сухим полотенцем, но она всё ещё была слаба, и даже на похороны пойти не смогла. Лишь вышла из дому, чтобы постоять несколько минут возле гроба, да и вскоре удалилась, сославшись на слабость. Я её не винила. Видела, что и сама она переживала, да и слёзы из её глаз текли искренние, не то, что у Люты. Видать, любила она своего отчима как отца родного, но и в самом деле была настолько слаба, что в последний путь проводить не сумела.

Отчего-то эта девушка не вызывала у меня злости или раздражения. Напротив, я к ней начала проникаться, будто к младшей сестре, и, во что бы то ни стало, захотела помочь ей, чтобы исцелить её недуг. Но всё это после. Сначала нужно как можно скорее выпаться и отдохнуть.

Однако стояла ещё глубокая ночь, когда Люта разбудила меня толчком в бок.

- Ишь, разлеглась! Поднимайся, лежебока! Дел по горло,

а она ляшки тянет! Ленища безродная!

Услыша шквал столь нелестных эпитетов и обвинений в свой адрес, я вначале не поняла, что опять случилось. Поднялась скорее по наитию, села на кровати, уставившись на свою мачеху. За окном была такая темень, что можно было глаза выкалывать. А тут такое...

- Ну? Чего уставилась? – та уткнула руки в бока, а в свете горящей свечи её чёрные глаза сейчас казались пустыми глазницами. – Пошла скотину кормить! Да не забудь воды принести побольше!

- Так ночь ещё на дворе... - попыталась спросонья что-то проямлить я. – Рано ещё...

- Почти три часа! – безапелляционно заявила она. – Или ты думаешь, я тебя теперь даром кормить буду?! Нет Казимира, нет тебе защитника! Свела ты его в могилу, так теперь за то и расплачивайся! А ну, пошла поживее! А ежели вздумаешь перечить – из дому выгоню, всем скажу, что ты ведьма да с самым чёртом договор заключила кровью, чтобы нас со свету свести. И начала с отца своего, но доберёшься до каждого, кто не так на тебя посмотрит...

- Но это же ложь! – возмутилась я.

И тут получила затрещину, да такую сильную, что в голове зазвенело, а в глазах заплясали белые мухи.

- Спорить со мной будешь, мертвячка?! – зашипела мачеха прямо мне в лицо. – Думаешь, я не знаю, что подаренные князю холода из лесу просто так не возвращаются?! Вижу я

насквозь душонку твою тёмную! По глазам мёртвым вижу!

Её слова навели на меня такой ужас, что я и впрямь поспешила скорее отсюда удалиться, чтобы только не слышать безумных речей Люты, иначе как можно было объяснить её поведение и отношение ко мне?

До утра я в доме не появлялась, занимаясь скотиной и другими делами. И лишь когда стало совсем светло, рискнула появиться на пороге.

Глава 12

Люта ожидаемо спала, а мне, несмотря ни на что, спать вовсе не хотелось. Да, я проделала кучу работы, накормила и напоила скотину, натаскала воды в тяжёлых деревянных вёдрах, почистила снег. Для меня прежней это, наверное, было бы чем-то очень тяжёлым, трудным. Но тело Дарьи было привыкшим к такой работе, и я лишь чувствовала лёгкую усталость от всего, что успела сделать.

Пока мачеха спала, я отыскала муку и молоко, намешала жидкое тесто и напекла блинчиков на тяжёлой чугунной сковородке. Благо, и сметана в этом доме имелась, и варенье, и я с удовольствием позавтракала, между тем рассуждая, что мне делать дальше.

За похоронами отца я немного позабыла о происшествии, что случилось в доме деда Серафима, и неприятное воспоминание кольнуло мне душу. А вдруг как он все расскажет, что я – вовсе не я? А, может быть, уже рассказал, иначе с чего бы это Люте было меня с утра пораньше в подмене обвинять? Но в любом случае, ни у того, ни у другой веских доказательств на этот счёт не было, а потому у меня был шанс пережить не самые лучшие моменты моей новой жизни в целостности и сохранности. А жить мне ой как хотелось! Помирать же и вовсе было рано.

Наевшись, я вспомнила о том, что обещала самой себе

поставить на ноги Желану. А потому, плеснув в глиняную кружку молока и положив на блюдечко несколько блинков, я отправилась к сводной сестре с намерением накормить её во что бы то ни стало.

К моему удивлению, Желана уже не спала. Она лежала, глядя в потолок и едва шевелила губами, словно читая молитву. Кровать её стояла за грубым холщовым пологом, и меня она заметила не сразу. Но, как заметила, постаралась улыбнуться и от этой слабой улыбки моей сводной сестрицы уже потеплело на душе.

- Проснулась? – я постаралась придать голосу как можно больше бодрости. – А я тебе завтрак принесла...

Девушка равнодушно посмотрела на съестное в моих руках и покачала головой.

- Мне что-то есть не хочется, Дарьюшка. Но спасибо тебе за доброту твою...

- Отказ не принимается! – шутливо погрозила я ей пальцем, но тут же изобразила на лице умоляющее выражение. – Ну, пожалуйста! Хотя бы один... Я старалась!

Желана, привстав на локтях, уселась в кровати и обречённо кивнула, как будто я не есть её уговаривала, а я яда выпить. Но, должно быть, чтобы угодить старшей сестре, она приняла из моих рук блюдо с блинчиками и откусила от одного из них. И тут же удивлённо распахнула глаза, с почти детским восторгом взглянув на меня.

Конечно, я знала, в чём дело. Небольшая хитрость помог-

ла мне произвести нужный эффект на сестрицу - обильно смазанные клубничным вареньем блинчики из вкусных превращались в очень вкусные. И это сработало.

- Как вкусно! – произнесла она, уже охотнее откусывая от краешка блина и запивая протянутым мной чуть подогретым молоком. – Кажется, ничего лучше я в жизни не пробовала!

- Ты такая худая, Желанушка, что у меня сложилось ощущение, будто ты никогда в жизни вообще ничего не ела, - ляпнула я, не подумавши.

Девушка сразу же помрачнела и опустила взгляд.

- Ты же знаешь мою мамку, - произнесла она тихим шёпотом. – С ней не забалуешь! А уж если чего вобьёт себе в голову...

- Подожди, - остановила её я, насторожившись. – Ты хочешь сказать, что она тебя голодом морит?..

Желана уставилась на меня недоверчиво и, украдкой поглядывая на край полога, отделявшего её закуток от общего дома, тихо произнесла.

- Морила. Ужель не помнишь, Дарьюшка? Ты меня извини, но странная ты в последнее время стала. Как будто не из нашей семьи вовсе...

«Да, никогда ещё Штирлиц не был так близко к провалу» - подумала я, решив, что пора притормозить лошадей и действовать более осторожно и обдуманно. Но и до истины докопаться я теперь просто считала своим священным долгом.

- Позабыла немного, прости, - ответила я, взглянув ей пря-

мо в глаза. – После той ночи в лесу...

Я всхлипнула, слёзы сами навернулись на глаза, и Желана тут же бросилась меня утешать.

- Что ты, Дарьюшка, не плачь! Прости меня, дуру! Я и сама бы догадаться могла! После такого-то мать родную забудешь...

Я кивнула головой, показывая ей, что всё в порядке, и злая на неё не держу.

- Когда я поменьше была, - продолжила сестрица, чтобы «освежить» мою память, хоть я и не знала изначально, о чём сейчас пойдёт речь. – Я была пухлой, что колобок, разве что так быстро кататься не умела...

Я с удовольствием наблюдала за Желаной, ведь она, разговорившись, доедала уже третий блин и на глазах будто бы оживала.

- Это как в сказке? – с улыбкой уточнила я.

- Как в сказке, - согласилась сестрица. – Так вот, мамке уж больно стыдно за то было перед людьми, что дочь её не такая как все, и вздумала она меня голодом подержать, чтобы лишнее, значит, ушло...

Я с недоумением взглянула на неё, но возмущалась я сейчас Лютой: не думала я, что дело тут было в переедании, деревенский уклад жизни, насколько я понимала, обычно не оставлял шансов лишним килограммам. Наверное, дело тут было в гормонах, но, зная мачеху, я смела предположить, что та решила уморить родную дочь голодом, лишь бы та приоб-

рела к замужеству «товарный вид». И добилаь совершенно противоположного эффекта: девочка высохла из-за нарушений в питании. И результат сейчас был на лицо.

- И что, получилось? – спросила я скорее чтобы поддержать разговор, ведь ответ был и так очевиден.

- Да, но... С тех пор я часто болею. Силушки нет, порой, даже чтобы подняться, а уж до леса дойти это вроде и вовсе как подвиг совершить... Мамка сама уж не рада, но ничего поделать уже не может.

Эх, жаль, что в прошлой жизни я не имела медицинского образования и не могла поставить чёткий диагноз Желане, хотя и мечтала его получить. И всё же я посмела предположить, что, в первую очередь, ей не хватало гемоглобина – уж больно бледной она была. Но ведь это можно было исправить! Мясо, свёкла, яблоки... И полноценное питание в целом. Помню, когда-то именно так и лечила меня мама от недостатка железа, когда была ещё нормальной, не пьющей женщиной...

- Кажется, я знаю, как тебе помочь! – обнадеживающе улыбнулась я. Хотя сама вовсе и не была уверена в результате.

Глава 13

Я могла бы сказать, что моя жизнь резко изменилась со смертью Казимира, но она стала совершенно иной, когда я впервые открыла глаза, будучи перенесённой сознанием в тело Дарьи. Я ни дня не прожила под крышей вместе с её отцом, но во всей красе сейчас ощущала боль его потери, словно две разные судьбы уживались сейчас в моей голове. И я боялась запутаться, перестать различать, где сейчас мои собственные мысли и чувства, а где – её.

С каждым последующим днём я всё больше увязала в этой новой для меня реальности, понимая, что заняла чужое тело не в самый подходящий момент. Каждый день я опасалась, что колдун Серафим расскажет обо мне односельчанам, но вот прошла неделя, за ней вторая, а он, к моей радости, всё молчал. Зато мачеха всё более уверенно начала распускать руки, в полной мере наслаждаясь отсутствием главы дома. Она поначалу не очень уверенно, а после во всю силу, могла ударить меня за любую оплошность, которую сама же мне и приписывала. Иногда Люта хватала меня за косу и отчитывала так, словно я была виновата во всех грехах человечества, и мне было больно и обидно до слёз, но я помалкивала, совершенно не зная этого мира и здешних правил. Уяснила я чётко лишь одно: после смерти мужа вся власть в каждом конкретном доме переходила ко вдове, а уж она распоряжа-

лась ей, как хотела.

Но было и нечто хорошее во всей этой круговерти жизней и судеб, как я называла своё новое положение, будучи заточённой в теле Дарьи против воли. Если отношения с Лютой становились всё хуже с каждым днём, то со своей сводной сестрицей, напротив, они неплохо налаживались. Я, как и обещала, занялась её здоровьем, и вскоре, мал-помалу, Желана расцвела и стала более напоминать молоденькую девушку, а не гадкого утёнка. Не сразу, но к ней вернулся аппетит, а за ним и румянец на щеках, она начала улыбаться, и двигаться, и выходить на улицу. Люта, наблюдая за нами, молчала, скрипя зубами, но, благо, не препятствовала. Видимо, здоровье дочери всё же было ей дорого несмотря на то, что им занималась я, а вовсе не она. И очень скоро моя сестрица стала не болезненным подростком, а здоровым человеком, чему я была несказанно рада.

Одно омрачало нас всех без исключения – предстоящий обряд выбора невесты для Мороза-княже, что был неминуем. И чем ближе был тот день, тем больше сходила с ума и бесилась Люта, понимая, что и её дочь тоже находится под угрозой.

В какой-то мере я понимала нервозность мачехи, и всё же терпеть её побои, усилившиеся с каждым днём, становилось всё сложнее. Иногда я пыталась дать отпор, но та, будучи физически сильнее, запирала меня на пол ночи в хлеву с козами, и, если бы не Желана, я могла просидеть там, навер-

ное, всю ночь. Было холодно и страшно, и обидно до слёз, но поделаться я с этим ничего не могла. Разве что нажаловаться Ратимиру, но я пока держала язык за зубами, не желая выносить сор из избы и избегая лишних проблем. Вот если бы он был мне мужем...

Но и эти мысли я старалась упрятать как можно дальше, понимая, что или ещё не привыкла к этому парню, либо и вовсе не любила его так сильно, как, возможно, это чувство испытывала к нему Дарья. Всем он был хорош: и высок, и красив, и глаза его горели понятным огнём, когда он смотрел на меня, но... В моей собственной душе ничто не отзывалось на это внимание с его стороны, и мне, порой, было за то даже стыдно. Но, как говорить, сердцу не прикажешь, а моё отчаянно молчало, когда я думала о Ратимире. Однако Дарья дала ему слово однажды стать его законной женой, а я, по всей вероятности, должна была его сдержать. Но лучше уж выйти замуж за того, кто тебе как брат, хотя ты ему не безразлична, чем весь остаток жизни терпеть побои Люты. Почему-то мне казалось, что ждать свою истинную любовь мне не стоит: после всего случившегося вряд ли бы к Дарье, то есть ко мне, выстроилась очередь из женихов. И хотя моё нынешнее тело и лицо было выше всяких похвал в плане красоты, народ здесь был суеверный, и особой благодати ждать от него не стоило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.